
УДК 78
ББК 85.31
Р 88

Рудиченко Т.С.

Доктор искусствоведения, профессор кафедры истории музыки Ростовской государственной консерватории (академии) им. С. В. Рахманинова, e-mail: rostovfolkclub@mail.ru

Христианская традиция и фольклор донских казаков *(Рецензирована)*

Аннотация:

Исследуются религиозные представления донских казаков, прослеживается влияние на их фольклор основных представлений христианского вероучения. Предпринята попытка создания объективной основы суждений о религиозности казаков, выявляются источники, из которых проникали в народную культуру православные идеи, систематизируются христианские образы, мотивы и темы в фольклоре. Воздействие христианской традиции прослежено на уровнях содержания (концептов), формы выражения (поэтики), организации системы текстов (в их семиотическом понимании).

Ключевые слова:

Народное христианство, донские казаки, фольклор, христианские мотивы.

Rudichenko T.S.

Doctor of Art Criticism, Professor of Music History Department, Rostov State Conservatory (Academy) named after S.V. Rakhmaninov, e-mail: rostovfolkclub@mail.ru

Christian tradition and folklore of the Don Cossacks

Abstract:

The paper discusses the religious views of the Don Cossacks and the influence of the main views of the Christian dogma on their folklore. An attempt is undertaken to create the objective basis of opinions about religiousness of Cossacks, to reveal sources from which orthodox ideas got into national culture and systematize Christian images, motives and subjects in folklore. Influence of Christian tradition is traced at levels of the contents (concepts), forms of expression (poetics) and the organization of a system of texts (in their semiotic understanding).

Keywords:

National Christianity, Don Cossacks, folklore, Christian motives.

Многовековое сосуществование «диалоге». Результатом стало своеобразие идеальных построений религиозного народного сознания. Для их обозначения даже понадобились специальные термины, такие как *народная вера, народное христианство, народное православие, на-*

родная религия [1]. Понятна цель, с которой они вводились: сопоставить христианское вероучение и отправление культа *церковью* (в широком смысле) с его восприятием массой прихожан, христианами вообще. Восприятие и усвоение народом *концептов* веры, этических *норм и правил*, реализация их в жизни «низовой» общины (приходской, сельской, соседской, военной), безусловно, предмет интересный и достойный изучения. Задачи данной статьи мы видели в том, чтобы на примере традиции донских казаков проследить отражение христианских представлений в текстах народного происхождения, прежде всего песенных, связанных с ними этнографических комплексах, а также выявить каналы, по которым происходило влияние православной культуры на народную.

Глубокое воздействие христианской традиции прослеживается на уровнях *содержания* (концептов), *формы выражения* или – в широком смысле – *поэтики*, и на уровне *организации системы* текстов (в их семиотическом понимании).

В фольклоре есть жанры, в которых религиозное самосознание народа выражено наиболее полно. Это так называемые народные молитвы, заговоры и духовные стихи. К последним примыкают вошедшие в календарный цикл псалмы, часть колядок и щедровок, основой поэтических текстов которых были христианские источники (книги Ветхого и Нового Завета, жития святых, иконы и т. п.). Они с небольшими отступлениями транслируют представления, заложенные в первоисточнике, созданном на основе канонических или апокрифических текстов, часто поэтами – представителями центров духовного просвещения (Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академий, Ново-Иерусалимского монастыря). Репертуар названных жанров в силу письменной природы или письменно-устного способа распространения универсален и не специфичен для казаков.

Конфессиональный фактор был од-

ним из важнейших в консолидации и культурной интеграции казачества. Процессы эти происходили на рубеже средневековья и нового времени, когда именно религиозные представления доминировали в картине мира, и поэтому стали органической частью мировоззрения казачества, оставив свой отпечаток на культурных текстах и стереотипах поведения.

Приверженность православию приобщила казаков к духовным сокровищам античности и привела к усвоению идей христианского вероучения и этики, обогащенных представлениями и ценностями народной культуры: поклонение небу и земле (горам), воде (реки, озера, моря), стихиям, природным объектам (камням, деревьям), культа животных и птиц.

Архаические знаки-символы фольклора нашли подкрепление в христианской гимнографии и иконографии и были освящены включением в церковный ритуал. Образы птиц (орел, ворон, голубь), животных и рептилий (конь, змей), культивируемых и диких деревьев и растений (кипарис, верба, виноградная лоза), как и многие другие, типичны для казачьего фольклора и составляют в то же время универсальный фонд культуры разных народов. Включенные в конкретный текст и используемые иносказательно, они приобретают известное своеобразие. Рассмотрим некоторые примеры.

Орел, выступающий в казачьих песнях в образе властителя неба и хищника, терзающего добычу (в духе сюжетов «звериного стиля»), появляется в них и как библейский символ *долгожизненности* [2]. Сюжетно-поэтический мотив стареющего и обновляющегося орла, перекликающийся со стихом псалма «исполняющего во благих желание твое: обновится яко орля юность твоя» [Пс. 102, 5] дал жизнь казачьей эпической песне «Ай, залетал то бы, залетал, млад-сизой орел» [3], бытовавшей в конце XIX и XX вв. в контексте свадебного ритуала. Она исполнялась мужчинами рода жениха на «каравайных обедах»

или в качестве *встречной* для родных невесты («вечерних», «вечерни») [4].

В былинной песне (духовном стихе) «Ай, в Вавилоне было, славном городе» [5] *Змей*, уничтожающий все живое в Вавилоне – жилище бесов и пристанище всякого нечистого духа [Откр. 18, 2] и ниспосланный господом за грехи, несомненно, книжного происхождения. Образ *дракона* (древнего змея), разрушительная сила которого описана в нескольких главах «Откровения Иоанна Богослова», восходит также и к средневековой повести «Сказание о Вавилонском царстве» [6]. В духе христианского миропонимания трактуется *знамение* в виде змея. Так, появившаяся на небе «из звёздшек...змия», предвещает «меретия» (мор) [7], что соотносится с подобной трактовкой образа змея в «Апокалипсисе»: «Вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на голове его семь диадем. Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю. Дракон сей стал перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца» [Откр. 12, 3–4]. Общим основанием таких суждений служит закрепленная христианской традицией ассоциативная связь змея (действовавшего в нем дьявола) с введением в человеческую природу смерти [8].

Поэтика гимнографии, ее стилистические фигуры, молитвенные формулы, как и отзвуки христианских ритуалов, становятся характерной составляющей народных песен.

В обрядовой поэзии многочисленны переключки языческих и христианских символов. В свадьбе молодых «обыгрывают» величальной «Виноград расцветает, а ягода поспекает», а в церкви в чине венчания звучат слова псалма: «Жена твоя, яко лоза, плодovitа в странах дому твоего» [Пс. 127, 3]. По выходе из церкви им поют величание, указывающее на небесное покровительство: «Веденье Богородицы, венчались два голубя» [9]. Молодого величают как духовного пастыря греческим

песнопением «Ис полла эти деспота» (На многие лета, владыко!) – в народной редакции «Исполать, исполать молодцу».

Невеста благодарит родных причинаниями, начинающимися кратким молитвенным зачином «И спаси, Христос», служащим для казаков также формулой благодарения и в быту.

В сиротских песнях, наряду с образом рода как древа, дубравы, в которой «сушь (умерших родственников) много», возникает и мотив *небесной молитвы* умерших за живущих («Зеленая дубровушка»):

*Он и там твой батенька
У Христа на небесах.
Он там Богу молится
Христу поклоняется:
Ой, Боже мой, Боже,
Да спустишь же ты, Боже,
Да с небес да на землю,
Свою чаду поглядети:
Как она снаряжена,
На посад посажена [10],
Снаряжена по-господски,
Посажена по-сиротски [11].*

В свадебный обряд включаются произносимые перед началом разных его этапов молитвы и иные действия: крестное знамение, благословение иконой, коленопреклонение. Когда поезжане приезжают за невестой, при входе в дом дружко, а затем жених, стуча плетью о дверь, троекратно «творяют молитву»: «Господи Иисусе Христе сыне божий, помилуй нас грешных». За каждым разом из дома невесты раздаётся в ответ: «Аминь!». При ответе дружко добавляют: «Аминь, не ходи один, а вяди с собой» [12]. Таким образом, заключающий молитву возглас «Воистину» включается в свадебный приговор.

Неотъемлемыми для народного сознания стали представления о *грехе* и *покаянии*, *неотвратимости божьего наказания*, *бессмертии души*, о *христианской любви* и *братстве*, праве на *спасение* и *искупление грехов* воинским подвигом.

Наказания за грехи в донских вариан-

тах русских былин и преданий выступают в качестве мотивации сюжетной развязки. В числе совершаемых героями Садко и Алешей Поповичем грехов не только грехи против рода (клялся родом-племенем, не почитал отца с матерью [13], от живого мужа жену замуж взял), но и нарушающие христианские законы крестового родства (Садко – «с родной кумой жил»; крестовый «названный» брат Добрыни Алеша Попович – «женился на его жене»). Действия средневековых былинных героев, как видим, оцениваются с позиций христианской этики. Такое же религиозное обоснование (наказание за измену) в контексте преданий получает существовавшая у донских казаков жестокая бытовая практика наказания «в куль да в воду».

Мотив преступления закона *христианской любви* становится темой лирической песни «Почий ангел мой хранитель», в принципе, наименее связанной с христианской традицией:

*Почий ангел мой хранитель,
Дай душе моей покой.*

*По грехам своим достойно
Был наказан правою рукой.*

Дочь малютку свою дорогую

В мир пустил я сиротой... и т. п.

Однако *покаянная тема* не получила значительного развития в донском фольклоре. Ограниченным числом образцов она представлена даже в духовных стихах. Это может быть объяснено лишь стремлением искупления греха делом, жертвенным подвигом «за други своя» и «православные христианы». В мужском фольклоре она синтезирована в формуле *прощания* как *прощения*, впервые зафиксированной в тексте «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков» (1642):

<...> *Простите нас, вси святы отцы*

Простите государи, вси христиanye православные,

Поминайте наши души грешные со своими праведными родители <...>

Простите нас, леса темныя и ду-

бравы зеленыя.

Простите нас, поля чистые и тихия заводи.

Простите нас, море синее и реки быстрые.

Прости нас, море Черное.

Прости нас, государь наш тихой Дон Иванович,

Уже нам по тебе, атаману нашему, з грозным войским не ездить, дикова зверя в чистом поле не стреливать, в тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливать» [14].

Данная формула встречается также в духовных стихах [15]. В приведенном тексте казаки «прощаются» как с миром небесным, так и земным [16]. В казачьи песни эта формула вошла в качестве краткого зачина – многочленного или одночленного («Простите, отец-мать родные», «Ты прости, прощай, наш тихий Дон» и т. п.).

Одно из ключевых понятий христианства – *о спасении души* – трактуется многопланово, но чаще в аспекте сохранения жизни. Это и обеты в честь спасения во время битвы, и система самосохранения, получившая в наши дни образное определение «казачий спас». В последнем переплелись военное искусство, заговоры, ведовство «характерников», различные формы суггестии, христианские молитвы и многое другое.

Разумеется, выявленными христианскими образами, мотивами и темами влияние христианского вероучения и этики далеко не исчерпывается. Однако и в таком ограниченном виде они показывают нам, сколь глубоким было проникновение в народную культуру православных идей и насколько широка охватываемая жанровая сфера фольклора.

Приведенные примеры дают представление об источниках христианской богослужебной и внебогослужебной практики, из которых они черпались, и известная избирательность народного сознания, в которое органически входило то, что согласовывалось со сложившимся достаточно универсальным духовным опытом.

Примечания:

1. Федотов Г.П. Стихи духовные Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс; Гнозис, 1991; Толстой Н.И. Несколько слов о новой серии и книге Г.П. Федотова «Стихи духовные» // Федотов Г.П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс; Гнозис, 1991. С. 5-9; Бернштам Т.А. Русская народная культура и народная религия // Сов. этнография. 1989. № 1. С. 92.
2. Эти понятия широко используются в изучении религиозного опыта разных конфессий. См.: Шишкина Е.М. Содержание и роль духовных песнопений / Geistliche Lieder в современной музыкальной культуре волжских немцев // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2009. Вып. 4 (52). С. 260-268.
3. Библейская энциклопедия. М.: Изд. Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990. С. 533.
4. Листопадов А.М. Песни донских казаков. Т. 1, ч. 1. М.: Музгиз, 1949. № 26.
5. Например, в ст-цах Краснодонецкой Белокалитвенского р-на Ростовской обл. и Нагавской Котельниковского р-на Волгоградской обл.
6. Листопадов А.М. Указ соч. № 61.
7. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века / вступ. ст. Д.С. Лихачева; сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1982. С. 182-187.
8. Словарь русских донских говоров. Т. 2. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1976. С. 135-136.
9. Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1993. С. 431.
10. Листопадов А.М. Песни донских казаков. Т. 5. М.: Музгиз, 1954. № 237.
11. Посадом на Дону называют место под иконами.
12. Полевые записи автора (ПЗА) в ст-це Краснодонецкой Белокалитвенского р-на Ростовской обл. в 1973 г.
13. ПЗА в хут. Кружилинском Шолоховского р-на Ростовской обл. в 1984 г. Инф.. Е. Н. Швыдкова 1905 г. р.
14. В заветах казаков-некрасовцев говорится: «За непослушание и оскорбление родителей...бить батогами или лишить жизни». См.: Тумилевич Ф.В. Сказки казаков-некрасовцев. Ростов н/Д: Ростиздат, 1947. С. 15.
15. Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков // Хрестоматия по древней русской литературе / сост. Н.К. Гудзий. 8-е изд. М.: Просвещение, 1973. С. 367.
16. Она обозначена Г.П. Федотовым как «прощание грешников с небесным миром». Исследователь указывает, что ее источником являются писания Палладия и Ефрема Сирина. См. об этом Федотов Г.П. Указ. соч. С. 115.
17. Фрагмент прощания с земным, природным имеется лишь в списке, опубликованном А. Н. Робинсоном.

References:

1. Fedotov G.P. Spiritual verses. Russian national belief in spiritual verses. M.: Progress; Gnosis, 1991; Tolstoy N.I. Some words about a new series and G.P. Fedotov's book «Spiritual verses» // Fedotov G.P. Spiritual verses. Russian national belief in spiritual verses. M.: Progress; Gnosis, 1991. P. 5-9; Bernstam T.A. Russian national culture and national religion // Sov. ethnography. 1989. No. 1. P. 92.
2. These concepts are widely used in studying of the religious experience of different

-
- confession. See: Shishkin E.M. The contents and the role of spiritual singing / Geistliche Lieder in modern musical culture of the Volga Germans // The Bulletin of the Adyghe State University. Series Philology and the Arts. 2009. Issue 4 (52). P. 260-268.
3. The Biblical Encyclopedia. M.: Trinity Lavra of St. Sergius Publishing house, 1990. P. 533.
 4. Listopadov A.M. The songs of the Don Cossacks. V. 1, Part 1. M.: Muzgiz, 1949. No. 26.
 5. For example, in the stanitsa of Krasnodonetskaya of the Belokalitvensky District of the Rostov Region and in the stanitsa of Nagavskaya of the Kotelnikovskiy District of the Volgograd Region.
 6. Listopadov A.M. Mentioned work. No. 61.
 7. Monuments of literature of Ancient Russia. The second half of the XV century / introduction by D.S. Likhachev; comp. and ed. by L.A. Dmitriev, D.S. Likhachev. M.: Khudozh. lit., 1982. P. 182-187.
 8. Dictionary of Russian Don dialects. V. 2. Rostov-on-Don: RGU Publishing house, 1976. P. 135-136.
 9. Christianity. Encyclopedic dictionary. V. 1. M.: The Great Russian Encyclopedia, 1993. P. 431.
 10. Listopadov A.M. The songs of the Don Cossacks. V. 5. M.: Muzgiz, 1954. No. 237.
 11. Posad in the territory of Don is the name of the place under icons.
 12. Field records of the author (PZA) in the stanitsa of Krasnodonetskaya of the Belokalitvensky District of the Rostov Region in 1973.
 13. PZA in the Khutor of Kruzhilinsky of the Sholokhovskiy District of the Rostov Region in 1984. The inf. is E.N. Shvydkova born in 1905.
 14. The covenants of Nekrasov Cossacks run: «For disobedience and insult of parents ... to beat with rods or to take life». See: Tumilevich F.V. Fairy tales of Nekrasov Cossacks. Rostov-on-Don: Rostizdat, 1947. P. 15.
 15. The story about the Azov siege sitting of the Don Cossacks // A reader in ancient Russian literature / comp. by N.K. Gudziy. 8th ed. M.: Prosveshchenie, 1973. P. 367.
 16. It is mentioned by G.P. Fedotov as «farewell of sinners to the heavenly world». The researcher points out that its source are the writings of Palladium and Yefrem Sirin. See about it in Fedotov G.P. Mentioned work. P 115.
 17. The fragment of farewell with earthly and natural is available only on the list published by A.N. Robinson.